

13.01.21

ПРОГНОЗ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГРОЗЫ 2021»

ГЕОПОЛИТИКА ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ



Ежегодный прогноз консалтингового агентства "Евразийские Стратегии"

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Государства нужно больше
2. США буксуют в колее
3. «Зеленое наступление» Германии: технологии без силы
4. Китай сосредотачивается
5. Стратегические дилеммы цифрового развития
6. Опасность «санкционных пузырей»
7. «Блестящий блеф» Турции: сила без технологий
8. Климатическая миграция в Африке
9. Вакцина как геополитический маркер

СКАЧАТЬ В PDF

1. Государства нужно больше



Мир, несмотря на коронавирус, всё тот же. Исторически эпидемии – столь же привычный для государств вызов, что и война. Обретение возможности эффективно сдерживать их распространение стало одним из неочевидных, но прямых следствий появления в Европе Нового времени регулярных армий и профессиональных бюрократий. В этом году мы наблюдаем действие все тех же инстинктов Левиафана: карантины, закрытые границы, мобилизация, контроль.

«Больше государства» – лейтмотив наступающего года. Не международные институты, не корпорации, не неправительственные организации стали агентами борьбы с пандемией. Именно от государств граждане ждут эффективных мер защиты и гарантий от экономических потерь. Государства привносят в борьбу с пандемией свойственный им дух национального эгоизма и борьбы за первенство. Тенденцией нескольких последних лет было возвращение национализма, протекционизма и великодержавного соперничества с опорой на силу и борьбой за влияние. Пандемия только укрепляет эту тенденцию.

Борьбу государств за преобладание можно представить как борьбу за место в



будущем порядке. Или как выбор инвестиционной стратегии: в какой актив инвестировать ресурсы, чтобы в будущем получить дивиденды? США, Китай, Россия инвестируют и в военную мощь, и в технологии. Но есть и страны, которые в качестве ключевого актива выбирают либо военную мощь (Турция), либо технологии (Германия). Мы полагаем, что будущий год принесет первые плоды всех трех стратегий.

Пандемия не изменила существа международных отношений. Международная среда остается ареной конфликтов. Очередное подтверждение тому – война в Нагорном Карабахе с беспрецедентным для обеих сторон числом жертв, радикально изменившая региональный порядок. Подробнее о значении этого конфликта для международной политики следующего года мы пишем ниже, а пока обозначим общую тенденцию: пандемия не принесла всеобщего мира, но не принесла она и обострения вооруженных конфликтов в мире в целом. В Донбассе сохраняется относительное перемирие. В Сирии нерв политической борьбы перешел с полей сражений в дипломатические кабинеты. В Ливии прекращены боевые действия, установлено перемирие. Вооруженные и политические провокации продолжаются: тут и турецкие маневры в Средиземном море, и убийство главного иранского физика ядерщика Мохсена Фахризаде, и странная история с Навальным. Но дипломатия пока справляется со своей основной задачей – предотвращать войны.

Нет оснований полагать, что международные конфликты или внутривнутриполитические кризисы уходящего года возникли из-за пандемии. Пандемия не делает государства слабее. Но их неубедительная, неадекватная реакция на эту угрозу создает впечатление слабости у друзей, у врагов и, что, пожалуй, наиболее важно, у собственных граждан. Рискнем сформулировать два узловых условия, которые генерируют риск похожего «фиаско государства» в будущем.

Во-первых, чрезмерное геополитическое маневрирование. На скользкой дороге опасно резко выворачивать руль. Последовательность читается как уверенность и, соответственно, достаточность ресурса действия. Устойчивый курс не создает новые возможности для врагов и не отталкивает друзей. Непоследовательная линия Александра Лукашенко накануне выборов дезориентировала белорусские элиты и смутила Москву. Худшего удалось избежать, но желающие воспользоваться ситуацией предсказуемо нашлись – в Польше и Литве.

Во-вторых, политический класс не должен становиться заложником конъюнктуры. Национальная стратегия – слишком важный компонент государственного управления, чтобы отдавать ее на откуп публичным политикам, одержимым краткосрочными эффектами. Горизонт планирования у большинства политиков в мире становится все уже, и они все хуже отличают «твит» от заявления на международных переговорах. Так, в Армении есть квалифицированные военные и дипломаты, но сиюминутные политические расчеты в определенный момент взяли верх над планомерным военным и внешнеполитическим строительством – с трагическими последствиями.

2. США буксуют в колее





В новом году Соединенные Штаты почти наверняка не смогут определиться с долгосрочным внешнеполитическим курсом. Для них 2021 год будет годом развеянных иллюзий. Половине страны кажется, что всё ещё есть возможность вернуться во времена, когда страна не была поляризована на два непримиримых лагеря. Однако лежащее в основании нынешнего внутривнутриполитического кризиса сочетание факторов раскола складывалось последние сорок лет, и кто знает, в какой перспективе их действие можно будет ослабить.

Доминирование финансового капитала привело к кризису американского реального сектора и появлению в Америке двух экономик – новых финансово-технологических океанских побережий и индустриально-сельскохозяйственного центра. Две эти экономики оформились в два полюса социально-политического возмущения. Либералы больших городов столкнулись с молчаливым неприятием со стороны традиционной Америки, озабоченность которой все больше разделяют работающие черные и латиносы. С политической точки зрения это вылилось в консолидацию консервативных сил вокруг Республиканской партии против засилья вашингтонских элит и глобальных финансистов.

С точки зрения внешней политики Соединенные Штаты столкнулись с невозможностью вернуть себе статус глобального гегемона. Для того, чтобы оправдать деградацию международного влияния, американские элиты развернули наступление на «державы ревизионисты» – Китай и Россию – с целью списать свои проблемы на внешних врагов.

Выборы 2020 года показали, что трампизм – это новая константа. Он перерос Республиканскую партию и превратился в народный фронт во главе со своим вождем в статусе народного героя и своим идеологи-ческим нарративом. Республиканская партия до минимума сократила преимущество демократов в Палате представителей, и почти удержала Сенат, контролируя Верховный суд и сохраняя преимущество в губернаторском корпусе. Ее возмущенный электорат неизбежно потребует смены лидерства и дальнейшей радикализации ее позиций.



Президентскую победу демократов мож-но назвать «пирровой». Байден начнет свое президентство, унаследовав не только коронавирус и его экономические последствия, но и низкую легитимность в глазах полови-ны населения. Он въедет в Белый дом, понимая, что проведение в жизнь не космети-ческих обещаний, таких как возвращение в Парижское соглашение по климату или Всемирную организацию здравоохранения, а радикальных перемен в американской политической системе, которых требуют активисты демпартии, поставит страну на грань вооруженного конфликта двух непри-миримых лагерей.

Но главное: выборы показали, что в стра-не за четыре года республиканского прези-дентства сложился новый консенсус о том, что есть Америка сегодня и что она может и должна делать во внутренней и внешней политике. В него входит необходимость реиндустриализации Соединенных Штатов и неизбежность антагонизма с Китаем. Боль-шинство в элитах не готово признать Трампа лидером Америки, но готово жить с этим новым консенсусом.

Будучи частью старого истеблишмента, Байден рискует еще более расколоть Демо-кратическую партию, если он попытается отодвинуть от власти ее прогрессистское, молодое крыло и городских радикалов, для которых его победа стала надеждой на глубокие перемены. Новый президент может оказаться в положении статиста в драмати-ческой борьбе за контроль над будущим Демократической партии и за выработку концепции дальнейшего развития страны. Зато невозможность решить проблемы внутри страны заставит администрацию Байдена, как и многих других до него, искать побед на внешнеполитическом фронте.

Внешнеполитическая повестка дня демократов известна – это восстановление «сердечных» отношений с Евросоюзом, поиски возможностей сгладить углы с Китаем и возвращение в покинутые Трампом международные соглашения.

Россия здесь стоит особняком. Перед выборами в американском внешнеполитическом сообществе звучали голоса в пользу восстановления диалога с Москвой. Но сам Байден известен как поборник «смены режима» в России. В бытность вице-президентом он пытался указывать Путину, выдвигать ли тому свою кандидатуру на президентских выборах. Такое не забывается. Да и слишком велика американская внутривнутриполитическая инерция по части демонизации России.

Мы не исключаем, что в Вашингтоне верх все-таки возьмут реалисты, понимающие опасность дальнейшей деградации российско-американских отношений. Их подход может даже совпасть с общей политической установкой администрации Байдена на умеренность и уход от конфликтности во внутренних и внешних делах. Но где та точка опоры, которая позволит повернуть двусторонние отношения на более позитивный курс? Разногласия по Сирии и Украине с командой Байдена у Москвы сильнее, чем были с администрацией Трампа. Продление Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений? Выглядит реалистично, но даже несмотря на то, что на это останется всего две недели между инаугурацией нового президента и истечением срока договора, советники Байдена уже рассматривают продление договора на меньший, чем максимально возможный пятилетний срок. По их логике это должно будет подтолкнуть Москву к дальнейшим переговорам, но такой подход будет лишь усиливать недоверие. К тому же переговоры по контролю над вооружениями, как показывает опыт, совсем не обязательно ведут к долгосрочному



улучшению российско-американских отношений.

Избранный американский президент стремится улучшить отношения с европейскими союзниками. Но не будем забывать, зачем США нужно улучшение отношений с Европой – для более надежного сдерживания России и Китая. Стремление Вашингтона продемонстрировать европейским союзникам по НАТО свою поддержку после четырех лет неопределенности может привести к отмене решения о выводе части американских войск из Германии, наращиванию количества и масштабов совместных учений и дополнительным поставкам вооружений в Европу. Вместе с продолжением развития в США высокоточного неядерного оружия (в том числе гиперзвукового) и противоракетной обороны это будет повышать градус напряженности в отношениях с Россией.

Поэтому, надеясь на лучшее, мы ждем привычного: нового всплеска информационной войны и политических провокаций против России, авантюры со стороны Украины, Польши, Грузии или других стран, надеющихся заслужить одобрение новой американской администрации или просто привыкших извлекать преимущества из российско-американской конфронтации. Слишком многие игроки в мире сделали ставку на противостояние Москвы и Вашингтона. Работа по выведению отношений из кризиса требует длинного горизонта планирования, которого у американского руководства сейчас нет.

Другим важным и хорошо знакомым Джо Байдену сюжетом будут отношения с Китаем. Правда, когда он был вице-президентом, американо-китайские отношения были мало похожи на нынешние. В качестве президента США Байден возглавит страну, активно сдерживающую Пекин практически во всех сферах. Вокруг этой политики сдерживания в Вашингтоне сформировался прочный двухпартийный консенсус. В краткосрочной перспективе приход новой администрации может привести к снижению напряженности в отношениях с Китаем, возможны символические под-вижки в торговой сфере. В то же время демократическая команда не сможет игнорировать меняющийся в пользу Пекина военный баланс в Тихом океане. Она также унаследует от предшественников тарифы в отношении китайского экспорта, укрепившиеся отношения с Тайванем и планы по развертыванию в АТР ракет средней дальности. Возможно, США захотят вернуться к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению для Транстихоокеанского партнерства. Но строительство торговых блоков в Азии за четыре года ушло вперед, а США едва ли захотят приспосабливаться к тому, что сделано в этой области Китаем. Вот по-чему долгосрочное улучшение отношений с Пекином маловероятно. Хотя именно в следующем году стороны могут наслаждаться краткой оттепелью.

Победившие на выборах демократы склонны считать президентство Дональда Трампа одной сплошной ошибкой, случайным отклонением от столбовой дороги американской истории. Лозунг кампании Байдена «Сделаем лучше, чем было» предполагает, что нужно лишь вернуться на правильную дорогу и наверстать упущенное. Но то ли у Трампа были не одни ошибки, то ли историческое отклонение было не со-всем случайным, но пока дело выглядит так, что Соединенным Штатам предстоит в ближайшие годы буксовать в той колее, где они сейчас и находятся.

3. «Зеленое наступление» Германии: технологии без силы





Европейский Союз стремится повысить собственную значимость в мировой политике. 2020 год не принес долгожданного прорыва. Пандемия коронавируса заставила европейские государства замкнуться в своих границах, на время откатившись к «дошенгенским» реалиям. И хотя странам ЕС все же удалось согласовать гигантский пакет помощи для борьбы с пандемией, дискуссия о едином внешнеполитическом курсе для Европы отложена до лучших времен. По иронии, выступающая за многосторонний подход Германия одной из первых ушла в глухую самоизоляцию. Вместо общеевропейского ответа на пандемию мир увидел многообразную палитру индивидуальных маршрутов спасения.

Тем не менее, едва оправившись от первого шока, Германия, как главный движитель и бенефициар европейской интеграции, с новой энергией вернулась к курсу, основу которого составляет «зеленая сделка» ЕС. Стратегическая задача – превращение Европы в климатически нейтральный континент к 2050 году.

Это дорогой и амбициозный проект. Платить за него придется всем. Промышленникам, перед которыми стоит задача модернизировать производство. Бизнесу, которому придется адаптироваться к изменившемуся рынку. И, конечно же, обычным гражданам, которым стоит ожидать повышения личных расходов во имя спасения планеты. Впрочем, как свидетельствуют опросы, даже на весеннем пике пандемии немцев больше всего беспокоили проблемы экологии и глобального потепления, а не здравоохранения.

Со стороны все это часто оценивают как экологическое помешательство. Вместе с тем, если не считать, что результатом «зеленого» курса ФРГ станет новый экономический и экологический ландшафт ЕС, ясно, что доминирующую роль в нем будет играть именно немецкий бизнес, который завяжет на себя большую часть производственных стандартов. Строптивым государствам Восточной Европы предстоит сделать выбор: либо переходить на предложенную Берлином систему координат, либо оказаться в



положении аутсайдеров, теряющих рынки и деньги и к тому же критикуемых за равно-душие к окружающей среде.

У «зеленой сделки» довольно противни-ков как в целом в ЕС, так и в самой Герма-нии. Однако сегодня для Берлина это оптимальная стратегия лидерства. Не имея желаний соревноваться с другими крупны-ми игроками в способности проецировать силу, Германия делает ставку на формиро-вание новой «зеленой» экономики, где бу-дет задавать свои порядки по праву первооткрывателя и технологического лидера. Расчет делается на то, что прислушиваться к немецким рекомендациям придется не только Китаю и России, но и США.

Немецкий подход понятен, но уязвим. Его успех будет зависеть о того, в какой мере Берлину удастся вовлечь в свою повестку дня других мировых игроков. Строить «зе-леную» экономику силами одних европей-ских корпораций слишком дорого. Кроме того, как показала пандемия, экологиче-ские проблемы уходят на второй план перед возникающими классическими угрозами: войной, катастрофами, эпидемиями. Будут ли так важны объемы выбросов углекисло-го газа немецких автоконцернов в случае нового миграционного кризиса или эскала-ции конфликтов у границ ЕС?

Наконец, «зеленая сделка» рискует по-пасть в тиски традиционной для ЕС дихо-томии ценностей и интересов. Уже сейчас разговоры о ней не мешают Берлину бо-роться за судьбу газопровода «Северный поток – 2». На фоне многочисленных скан-далов в российско-германских отношениях будущее проекта, казалось, висело на во-лоске. Однако позицию ФРГ не смогли по-колебать ни давление США, ни убийство Зелимхана Хангошвили, ни разногласия с Москвой вокруг событий в Белоруссии, ни ситуация с Алексеем Навальным. Похоже, немецкое руководство продолжит защи-щать проект и перед администрацией Джо Байдена, настроенной нарастить давление со стороны США.

Реализация «зеленой сделки» добавит трудностей в германо-российские связи, но не станет для них приговором. Недавние заочные дебаты ведущих немецких и рос-сийских экспертов о причинах похолодания между Москвой и Берлином вновь показа-ли, что период «особых» отношений остался в прошлом. Однако это сложно поставить в вину немецкому или российскому руководству. Изменились рамочные условия. Герма-ния не хочет выступать «адвокатом» России перед Западом, в то время как Москве уже не требуются услуги по такому заступниче-ству.

России и Германии предстоит период основательной перестройки отношений на базе собственных интересов. В Берли-не часто вспоминают о «новой восточной политике» канцлера Вилли Брандта как о примере позитивной стратегии развития отношений с Россией, однако последние события показывают, что нынешний «исто-ризм» дискуссии о российско-германских связях нуждается в ревизии.

В 2021 году Германию ожидают пар-ламентские выборы. С большой вероят-ностью их итогом станет формирование правящей коалиции в составе ХДС/ХСС и «Зеленых». В этом случае пост главы германского МИД уйдет «экологам», которые станут проводниками «зеленой сделки» в ЕС и остальном мире. Диалог с «зеленой дипломатией» потребует со сто-роны России новых подходов.

4. Китай сосредотачивается





Знаменитая стратегия Дэн Сяопина «скрывать свои возможности, держаться в тени», определявшая почти три десятилетия сдержанный курс Китая на мировой арене, в 2021 году вновь станет актуальной. В документах пятого пленума ЦК КПК, определившего ориентиры развития Китая до 2035 года, слово «безопасность» встречается чаще, чем «открытость» или «инновации». Именно интересы устойчивости и безопасности политической системы станут тем ограничителем, который будет диктовать новую внешнюю скромность и определять стратегические приоритеты внутреннего развития.

Безопасность понимается как отсутствие системных рисков, влияющих на прогресс модернизации. Фокус внимания китайской элиты теперь не ограничен темпами роста ВВП и другими экономическими индикаторами. Раньше Китай опасался проиграть более сильным державам из-за экономической слабости и поэтому глобальной экспансии предпочитал интерес подъема экономики. Теперь, накопив индустриальную, военную и технологическую мощь, Китай остро ощутил новую уязвимость – став слишком большим и слишком заметным, сильно включенным в мировую торгово-финансовую систему, но не играющим там ведущую роль, а значит, зависимым от других.

Выход США во время правления Трампа из ряда международных институтов не должен успокаивать Пекин. Большой вопрос, насколько этот тренд будет поддерживать администрация Байдена. Кроме того, роль лидера экономической глобализации и строителя мировой инфраструктуры хотя и почетна для Китая, но в случае масштабных потрясений сильно ударит по китайским планам развития.

Еще до коронавирусного кризиса Си Цзиньпин заговорил на языке Нассима Та-леба и Мишель Вукер. Партийных работников призывали страховаться от «черных лебедей» и «серых носорогов». Эта настороженность сохранится и в 2021 году, несмотря на то



что экономика успешно продолжит постпандемическое восстановление. Его драйвером станет развитие внутренне-го рынка.

Ключевым социальным проектом станет вакцинация против COVID-19, которая к концу 2021 года может охватить до 50% населения. Реформа системы здравоохранения на основе уроков пандемии также потребует предельной концентрации усилий партийно-государственного аппарата, который в сфере социального управления всё шире будет прибегать к методам цифрового контроля.

Однако задачей номер один для китайского руководства станет повышение автономности в стратегически важных высокотехнологичных областях. «Расстыковка» с США, вероятность которой серьезно рассматривалась китайской элитой на пике китайско-американской конфронтации, теперь в качестве опции отложена. Но президентство Байдена выглядит лишь как желанная передышка перед острыми конфликтами будущего. Не зря партийное руководство на октябрьском пленуме подтвердило, что КНР по-прежнему остается в периоде «важных стратегических возможностей». Скатывания в новую холодную войну в Пекине не ожидают. Однако по поводу того, что глобальное технологическое лидерство удастся сочетать с зависимостью от других стран в критических областях, у китайского руководства уже нет иллюзий. Темпы импорто-замещения будут лишь возрастать.

Пандемия и новая норма в виде «трампизма», серьезно не изменив китайские оценки современного мира, лишь подчеркнули, что Китай остается достаточно хрупкой сверхдержавой и в интересах сохранения динамики своего глобального подъема и спокойствия внутри страны должен более тщательно оценивать вероятные риски и реагировать на них. В этом отношении, тактику Китая в 2021 году можно скорее назвать активной обороной и сосредоточением сил, чем наступлением по всему фронту.

5. Стратегические дилеммы цифрового развития





В 2021 году продолжит увеличиваться разрыв между независимыми платформами-провайдерами глобальных техно-логий и странами-реципиентами, постепенно впадающими в зависимость от технологически развитых государств. «Цифровые колониалисты» предлагают объектам экономического освоения льготные условия создания необходимой для перехода в цифровое будущее инфраструктуры, чем обеспечивают привязку к своим решениям.

Канонические границы стран первого, второго и третьего мира претерпели изменения: бывшие страны третьего мира получают возможность создания передовой инфраструктуры без необходимости поддержания функционирования старой – в силу ее отсутствия. В этом смысле можно ждать цифрового рывка более богатых государств Ближнего Востока и Африки и их выхода на значимые на цифровой арене роли. Наконец, изменяются и международные финансовые и трудовые отношения: цифровые активы перемещаются в более комфортные юрисдикции еще легче, чем финансовые, и практически не оставляют следов такого перемещения.

Эти тенденции определяют контуры ближайших лет. В августе 2020 года госсекретарь США М. Помпео объявил о развертывании программы «чистая сеть», подразумевающей вытеснение производимых Китаем программных средств, решений и технологической инфраструктуры с американского рынка. Этот тренд сохранится и при новом президенте. Развернутая Соединенными Штатами против Китая «холодная технологическая война» будет в грядущем году поддержана целым рядом государств Европы, правда, по разным причинам. Одни будут стараться умиротворить гегемона, следуя в русле его санкционной политики, тогда как другие воспользуются конфронтацией, чтобы дать шанс своим производителям оборудования – в первую очередь Ericsson и Nokia, тем самым подтверждая свои притязания на технологический суверенитет. О способности европейских компаний



заменить Huawei в ЕС уже заявила Еврокомиссия. Битва за рынок Европы для Huawei обострится, как и умножатся попытки Пекина повлиять на нормотворчество Брюсселя в технологической сфере.

Пандемия станет фактором, усложняющим отказ от китайского оборудования. В условиях кратного роста непредвиденных расходов на борьбу с COVID и его экономическими последствиями трудно отказаться от более дешевых китайских решений. Меры по вытеснению Китая с рынков стран-членов НАТО подвигают Пекин вести свои цифровые компании в сторону государств глобального Юга – в первую очередь Африки и Юго-Восточной Азии, где в лучших традициях «плана Маршалла» с помощью связанных кредитов компании КНР получают долгосрочные государственные контракты на создание и обслуживание цифровой инфраструктуры. «Цифровой Шелковый путь» становится новым этапом развития ОПОП. Очевидно, что, укрепив свои позиции за счет развивающихся рынков, КНР сможет принять более решительные меры возмездия против западных компаний, создав тем некомфортные условия для работы в стране. В 2021 году мы увидим еще большее технологическое размежевание КНР и США.

В 2021 году продолжится расцвет технологического регулирования. Социальные сети, мессенджеры и интернет-телевидение сделали из каждого обладателя смартфона потенциального журналиста, способного моментально делать свои «новости» доступными миллионам человек. Одновременно открывается богатое поле для злоупотреблений. Развитие когнитивных технологий, в первую очередь deepfake, наделяет злоумышленников неограниченными возможностями по созданию токсичного контента. Для создания достоверной подделки вам уже даже не нужен человек: нейросеть может сама создавать симулякры с достоверной биографией, а в недалеком будущем, вероятно, и снимать с ними видеоролики любого содержания.

Парадоксальным образом рост свободы общества и укрепление инструментов ее реализации продолжается в ногу с укреплением мощи полицейского государства. При этом усиление второй тенденции очевидно – стремление государств обеспечить безопасность граждан, в том числе ограничив их доступ к неконтролируемым элементам сети, едва ли можно назвать диктаторской прихотью правительств. Степень деанонимизации пользователей в сети будет и дальше возрастать.

Развитие «интернета вещей» и автономных интеллектуальных систем повышает угрозы проникновения в них. Попытка стран оградить себя от такого проникновения имеет ряд последствий. Прежде всего, государства стремятся ограничить уязвимость сети за счет импортозамещения и глубокой локализации: доверять «своему» контролируемому производителю проще. Это, в свою очередь, приводит к распаду международных производственных цепочек и эрозии принципов международного разделения труда. Здесь, как и во многих других аспектах глобальной цифровой экономики, проявляется противоречие между информационным обменом как явлением глобальным и физической инфраструктурой, имеющей территориальную привязку, а значит, находящуюся под чьим-то суверенитетом.

Не меньшее стремление к суверенному контролю проявляют государства и в вопросе хранения персональных данных граждан. По мере повышения оцифровки личности человека, возможности его цифровой идентификации, перемещения в облачное хранение его личных данных цена ошибки при защите такой информациикратно



повышается: идентичностью гражданина не просто могут завладеть злоумышленники – она может быть полностью стерта, и такая цифровая смерть отрежет жертв атаки от возможности реализации базовых социальных прав.

Стремление государств установить правила суверенного владения своим интернет-пространством и обеспечить национальный контроль за деятельностью транснациональных цифровых платформ имеет два измерения. С одной стороны, государства будут увеличивать свое участие в непосредственном управлении цифровыми активами работающих на их территориях зарубежных технологических корпораций. В этом смысле создание при участии российского правительства Mail.ru, «МегаФон» и РФПИ с «Алибабой» совместного предприятия, в котором у российской стороны сохраняется контрольный пакет акций, и покупка китайского TikTok компанией Oracle – звенья одной логической цепи.

С другой – государства пытаются ограничить национальные компании в их космополитических стремлениях превратиться в «цифровых компраторов», опасаясь, что после IPO или смены юрисдикции такие компании станут проводниками интересов иностранных правительств. Более того, с учетом волатильности цифровых активов, банкротство или перепродажа крупного цифрового рыночного игрока могут иметь колоссальные последствия и для экономики в целом: уже сегодня рыночная капитализация трех крупнейших технологических гигантов КНР – Alibaba, Tencent и Baidu – составляет свыше 2 трлн долларов США, что значительно больше рыночной стоимости Банка Китая.

Глобальная цифровизация серьезно подкрепила международную правосубъектность корпораций. Транснациональные гиганты – Google, Facebook, Microsoft, Huawei, TikTok, Alibaba – на равных разговаривают с национальными и иностранными правительствами, превращаясь в фактор национальной безопасности. С одной стороны, накапливаемая такими экосистемами информация и внедряемые ими решения представляют колоссальную ценность, с другой – их способность как информационных ресурсов транслировать на гигантскую аудиторию те или иные информационные сообщения, напрямую или косвенно – через контролируемую выдачу по поисковым запросам, – становится фактором политической жизни целых стран. Отдельным вопросом в противостоянии таких корпораций и государств остается вопрос их справедливого налогообложения, особенно если их сервисы действуют в иностранной юрисдикции.

Именно в таком ключе логично воспринимать решение о создании в компании «Яндекс» Фонда общественных интересов для контроля за деятельностью компании. За запретом финансового регулятора КНР на проведение IPO входящей в «Алибабу» ANT Group стоит озабоченность суверенного государства вопросами безопасности. Напомним, что руководство двух других технологических гигантов КНР – Baidu и Tencent – уже давно ведет их технологическое развитие в фарватере генеральной линии КПК. В ноябре 2020 года власти представили на общественное рассмотрение новый свод антимонопольных правил, впервые включив в периметр регулирования цифровые компании, в том числе вопросы оборота персональных данных и прозрачности структуры привлекаемого иностранного капитала. Нарушителей ждут весьма суровые наказания – вплоть до разделения на отдельные компании. Почти в эти же даты был опубликован проект закона о защите персональных данных, во многом идентичный GDPR и «закону Яровой». Это говорит о том, что Китай вполне



следует мировой тенденции на цифровую суверенизацию, но с некоторым отставанием от лидеров цифрового мира.

На пространстве ЕАЭС центристскими силами экономических интересов уравниваются центробежными силами политической разобщенности. Ситуация усугубляется нескоординированностью цифрового развития. Создание единой системы электронного обмена юридически значимыми документами оказалось сильно затруднено тем обстоятельством, что различные государства ЕАЭС используют различные криптографические стандарты, не все из которых признаются безопасными, например, в Российской Федерации. Отсутствие координации при их внедрении привело к появлению технического барьера на пути развития интеграционных процессов, имеющего при этом далеко идущие политические и экономические последствия. Отсутствие прогресса на этом треке в ближайшее время будет усиливать центробежные силы в ЕАЭС и уменьшать экономическую эффективность интеграции в целом.

6. Опасность «санкционных пузырей»



Стремительное распространение вторичных санкций закладывает основу для принципиально нового феномена «санкционных пузырей», когда резко возрастает разрыв между реальной операционной деятельностью компании и санкционными рисками, связанными с ней. «Санкционный пузырь» фактически представляет собой финансовый пузырь наоборот. В случае финансовых пузырей иррациональное поведение участников рынка необоснованно разгоняло стоимость финансовых инструментов. В случае вторичных санкций имеет место противоположный процесс: возрастающие в геометрической прогрессии риски подпасть под санкционное законодательство США способны необоснованно обрушить котировки даже весьма стабильных, устойчивых в финансовом отношении компаний и финансовых структур.

Вторичные санкции фактически представляют собой привлечение к ответственности физических и юридических лиц, не нарушающих напрямую санкционное



законодательство, но аффилированных или поддерживающих экономические отношения с компаниями-объектами «первичных» экономических санкций. При этом возникают прецеденты санкций третьего и последующего порядков, когда компания может подвергнуться обвинению в том, что не она сама, но ее контрагент взаимодействует с подсанкционными лицами. Складывается ситуация, когда рыночные игроки рискуют попасть под штрафные меры, даже не располагая информацией о нарушениях санкционного законодательства их контрагентами.

Работая в долларовой среде с компанией, которая в свою очередь торгует с лицами под санкциями, можно легко попасть под enforcement США независимо от того, владеет компания информацией, что ее партнер связан с подсанкционными акторами или нет. Долларовая система расчетов воспринимается США как собственная юрисдикция, а информация обо всех транзакциях через SWIFT попадает в Управление по контролю за иностранными активами Министрства финансов США (OFAC).

Чем более компания инкорпорирована в глобальные цепочки добавленной стоимости, чем более обширна география ее контрагентов, клиентов и партнерских связей, тем более высокорисковой становится для нее рыночная среда.

Ситуация усугубляется тем, что подсанкционная компания фактически «выпадает из правового поля» и рискует понести необоснованные убытки, например, вследствие конфискации грузов. Способы нанесения ущерба подсанкционным компаниям становятся все более изощренными. Возникают прецеденты, когда санкции становятся формальным поводом для уклонения от погашения кредитов корпорациям и финансовым институтам, находящимся под санкциями. Напомним, британский суд одобрил решение британского банка Synergy о приостановлении выплаты процентов по кредиту, полученному от Lamesa Investment Limited, принадлежащего российскому предпринимателю В. Вексельбергу. Причина – санкции США за любое взаимодействие с субъектом рынка, находящимся под санкциями. Это весьма пугающая тенденция в западном прецедентном праве.

Сохранение нынешней тенденции к использованию санкционных инструментов в качестве одного из ключевых механизмов стратегической конкуренции и передела рынков может как минимум способствовать замедлению темпов глобального экономического роста, а как максимум – породить кризис «санкционных пузырей» в результате невозможности адекватной оценки санкционных рисков и сложности прогнозирования финансового положения рыночных игроков. Поэтому в 2021 году мы ожидаем бум цифровых валют, прежде всего в Китае и в России, новых инициатив по дедолларизации и по регионализации финансовых рынков.

7. «Блестящий блеф» Турции: сила без технологий





2020 год начался боями в Идлибе, а закончился войной в Нагорном Карабахе – в обоих случаях турецкие военные приняли участие в боевых действиях. Турция прямо или косвенно применяла силу в Ливии и в восточной части Средиземного моря. В последнем случае адресатом турецких угроз была Греция, союзник Турции по НАТО.

В глазах части российских обозревателей Турция долго была источником тайных надежд: одна из сильнейших в военном отношении стран НАТО, казалось бы, вот-вот предпочтет Западу союз с Россией. События последнего года должны были разубедить самых верных поклонников Реджепа Эрдогана. Курс Турции куда более извилист, чем может предположить кто-либо из ее партнеров.

Антиамериканская и антиевропейская риторика, активно используемая президентом Турции и представителями турецкого истеблишмента, не приводит к радикальному разрыву с евро-атлантическим проектом, а также объединению усилий с другими центрами силы в Евразии (Индия, Иран, Китай, Россия) для формирования общими усилиями эксклюзивной модели континентальной безопасности без вовлечения в нее внешних стратегических балансиров. Турция имеет противоречия по широкому спектру региональных проблем с Ираном и Россией. Она последовательно критикует Индию и Китай за проведение дискриминационной политики в отношении мусульман в Джамму и Кашмир и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Своей поддержкой Катара Анкара противопоставила себя монархиям Персидского залива, вовлечением в ливийские дела – Египту, а «палестинофильство» Эрдогана привело к заморозке отношений Турции с Израилем. При том что при всех имеющихся противоречиях друг с другом и Анкара, и Доха, и Эр-Рияд, и Тель-Авив – союзники Вашингтона.

В ноябре 2020 года по итогам полутора-месячной войны в Нагорном Карабахе при



активном вовлечении Турции был сформирован новый статус-кво в регионе, укрепилась стратегическая связка Анкара – Баку, брошен вызов России как ведущей силе на Кавказе, а перспективы экспорта ближнево-сточной нестабильности с помощью пере-мещения турецких прокси-сил из Сирии в Азербайджан создали непростые коллизии в турецко-иранских отношениях.

Особо стоит подчеркнуть, что Турция не в первый раз, вмешиваясь в тот или иной конфликт, способствует формированию нового баланса сил. Ранее эта модель была апробирована в Сирии, Ливии, Катаре. Нагорный Карабах стал лишь продолжением турецкой внешнеполитической стратегии: с опорой на военную силу добиваться повышения статуса Турции как страны, с которой вынуждены считаться. Сила турецкого внешнеполитического ревизионизма не только в том, что нынешний истеблишмент Турции последовательно проводит идею, согласно которой место и роль страны в современном мире не соответствуют ее реальному потенциалу. Она активно подпитывается ревизией турецкой идентичности, сформированной стараниями Кемаля Ататюрка и его последователей. Происходит отказ от ценностей, ранее возведенных в разряд догм общенациональной светской религии, – лаицизм, национализм, вестернизм. В сегодняшней Турции популярен тезис о «мире больше пяти» (то есть государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН). Турция видит себя равной по влиянию и статусу членам Совбеза, а заодно претендует на роль представителя всего исламского мира среди великих держав.

В будущем году Турция не отвернется от Запада. Ее действия будут продиктованы ситуативными соображениями и стремлением в каждый конкретный момент максимизировать свое влияние. Отношения Турции с Францией и США потянутся буквально на глаза, но зато на подъеме отношения с Великобританией. Для Лондона углубление альянса с Анкарой будет одним из внешнеполитических инструментов в эпоху «пост-брекзита». Для турецкой же политики британский канал позволит балансировать ее выход из-под опеки США сохранением институциональных связей с евро-атлантическими структурами.

Растущие турецкие амбиции в мире в целом и на Кавказе в частности будут создавать для Москвы непростые дилеммы уже в ближайшем будущем. Созданы возможности для выхода Турции на Каспий и расширения ее деятельности и влияния в Центральной Азии. На черноморском направлении возрастает риск в контексте наращивания связей Анкары и Киева. На Украине поверили во всепобеждающую мощь турецких беспилотников и раздумывают о применении их в Донбассе. Значительно выросший в этом году украинский военный бюджет позволяет траты и подталкивает политическое руководство страны к применению армии. Укрепление турецких позиций в Азербайджане откроет также возможности для расширения присутствия Анкары в Грузии.

Подчеркнем, что и США, и Великобритания, и Франция, каким бы ни было их отношение к турецкому руководству, будут заинтересованы в том, чтобы Турция достигала свои честолюбивые цели не за их счет, а за счет России. Анкару будут буквально выталкивать в постсоветское пространство. Несмотря на все нынешние разногласия Турции с США и Францией, может повториться ситуация начала 1990-х годов, когда Анкара выступала своего рода представителем Запада для бывших советских республик на Кавказе и в Центральной Азии. Тогда специально под эту задачу была реанимирована старая пантюркистская идея, которую попытались



приспособить для постсоветских стран.

Турция, безусловно, не откажется от своих претензий на статус великой державы. Во-прос, впрочем, в том, чем подкрепляются эти претензии. США, Россия и Китай в той или иной мере опираются на свой силовой потенциал при проведении внешней политики. Турция следует старой традиции силовой политики, но, в отличие от пятерки постоянных членов Совета Безопасности, она не обладает собственным технологическим потенциалом. Турецкие беспилотники, собранные из импортных комплектующих, стали символом турецкой мощи – но одновременно указали на ее ограниченный характер. Экономическая ситуация в Турции тяжелая, внутриполитическое доминирование Эрдогана небесспорно. За Турцией нет сильного международного интеграционного объединения. Еще некоторое время дипломатическая и силовая стратегия, принятая Турцией, будет работать. Но противоречие между великодержавными претензиями и слабостью базы для таких претензий не преминет сказаться. Возможно, уже в следующем году.

8. Климатическая миграция в Африке



Не будем ограничиваться перспективой одного года. Многие мировые процессы занимают десятилетия, их эффект накапливается постепенно. Последнее десятилетие было отмечено самыми высокими средними температурами за всю историю наблюдений в Африке. Последовательный рост температур на континенте отмечается с 1980 года. В октябре 2019 года температура в ЮАР, Зимбабве и Мозамбике побила рекорды, превысив 45°C. Прогнозируется дальнейший рост, что приведет к разбалансировке погодных сезонов. Такие изменения обусловили сильнейшие засухи в одной части континента (Африканский Рог, юг Африки) и наводнения в другой его части (бассейны крупных рек в зоне Сахеля и регионе Великих Озер).

Периоды засухи в Кении, Эфиопии, Сомали повторяются всё чаще (2010-2012, 2016-2017), обостряя социально-экономическую и гуманитарную ситуацию. Напротив, в долине р. Нигер и в нижнем течении р. Нил объем выпавших осадков в сезон дождей



почти вдвое превысил ожидаемые показатели. В условиях наводнений, которые могут происходить несколько раз в год, управление территориями и обеспечение базовых потребностей населения становится практически невозможным.

По существующим подсчетам, только за 2019 год в Африке более 1,6 млн человек покинули место жительства в связи с климатическими обстоятельствами. В Мозамбике последствия тропического циклона «Идай» затронули более 1,8 млн чел., из которых 146 тыс. были вынуждены бросить свои дома. На Африканском Роге около 12 млн чел. были затронуты последствиями засух и наводнений, причем свыше 0,5 млн покинули место жительства. В Центральной и Западной Африке изменения климата вынудили оставить дома около 650 тыс. человек. Те, кто сумел избежать этой участи, испытывают проблемы с удовлетворением базовых потребностей – в пище, чистой воде, доступе к средствам коммуникации. Данные за 2020 год еще предстоит подсчитать, но очевидно, что пандемия не улучшила обстановку.

Климатическая вынужденная миграция становится реальностью на Африканском континенте. Пока речь идет о миграции внутри государств или в соседние государства. По оценкам Всемирного банка, к 2050 году численность данной категории мигрантов при сохранении нынешних темпов может достигнуть 70 млн человек в Африке южнее Сахары. При адаптации стран континента к климатическим изменениям это число может сократиться до 30 млн человек. Это за тридцать лет, то есть от 1 до 2,3 млн мигрантов в год. Невероятные цифры.

В зоне Сахеля и на Африканском Роге климатические изменения обуславливают изменения традиционной среды проживания кочевых и полукочевых народов (фульбе, загава, сомалийцы). Поиск новых пастбищ и источников воды обуславливает их миграцию в районы с оседлым населением. Миграция фульбе в последние десятилетия привела к образованию полосы локальных конфликтов от Камеруна и Буркина-Фасо до Мали. За последнее десятилетие только на севере Нигерии столкновения с фульбе привели к гибели около 8000 человек, более 260 тыс. человек покинули места пребывания, 60 тыс. чел. – бежали в соседний Нигер. Если разбалансировка погодных сезонов продолжится, то климатические конфликты охватят и транссахарское пространство, бассейны крупных рек (прежде всего, р. Конго и р. Нигер), юг континента. В таких условиях число потенциальных мигрантов может существенно вырасти в ближайшие десятилетия – как минимум на 100-150 тыс. чел. в год.

Пока что основные миграционные потоки в Африке сохраняют свой преимущественно внутриконтинентальный характер. На континенте развивающиеся крупные городские агломерации частично поглощают миграционные потоки. Однако быстрый рост населения (к 2050 году ожидаемая численность населения вырастет на 400 млн чел.) позволяет предполагать, что урбанизация не сможет полностью решить проблему миграции. Свыше половины от ожидаемого числа климатических мигрантов и жертв климатических конфликтов может направиться в страны ЕС и Аравийского полуострова (около 15-25 млн чел. к 2050 году).

9. Вакцина как геополитический маркер





События 2020 года породили термин «ин-фодемия». Пандемия оказалась накрепко увязана с цифровизацией быта граждан. Информационные технологии не только доказали свое социальное значение, но и вызвали новую волну подозрений – как со стороны граждан, так и со стороны государств. Реакцией на угрозу стало ужесточение контроля над распространением информации. Эпидемии всегда сопровождались слухами: преуменьшающими опасность или преувеличивающими ее, предлагающими чудодейственные средства и обвиняющими власти в махинациях. В доиндустриальную эпоху эти слухи распространялись на рыночных площадях, сейчас они распространяются в социальных медиа. И тогда, и сейчас государства видели в слухах угрозу, а в их пресечении – одну из важных противоэпидемических мер. В 2021 году мы увидим еще больше инициатив по ограничению свободы высказывания в интернете, еще больше примеров давления правительств на социальные медиа. В свою очередь, социальные медиа будут все сильнее давить на пользователей, подсказывая им «правильные» трактовки событий. В следующем году мы, вероятно, станем свидетелями того, как сильнейшие государства все энергичнее будут подчинять себе рынок информационных технологий и как, в свою очередь, крупнейшие игроки IT-рынка будут усиливать влияние на наиболее слабые государства.

Откровенный национальный эгоизм сейчас не в моде. Конечно, государства будут сотрудничать в борьбе с пандемией, но не столько в логике интернациональной филантропии, сколько в логике статусной конкуренции. Оказывающий помощь повышает свой престиж. Для России ставки особенно высоки. Первенство в разработке вакцин от коронавируса и готовность предоставить вакцины другим странам позволяют ей рекомендовать себя технологическим лидером в наиболее актуальной области фармацевтики и биотехнологий. Есть и прямой экономический расчет: Россия хочет заработать на мировом рынке вакцин. Статусная конкуренция здесь сопровождается коммерческой. В следующем году, когда вакцины будут готовы для массового применения, нас ждет медийный шторм на Западе против российских разработок. Создавать его будут не только и не столько правительства, сколько глобальные фармацевтические компании. Они искушены в информационных битвах,



их PR-бюджеты колоссальны.

Мы полагаем, что в следующем году начнется оформление того, что можно назвать Новым движением неприсоединения. Но-вым – потому что старое, то есть сообщество стран, которые в годы холодной войны сделали отказ от присоединения к советско-му или американскому блоку сутью своей внешней политики, формально существует до сих пор. Неприсоединения – потому что в условиях набирающего мощь и инерцию американо-китайского противостояния желающих не занимать ни одну сторону этого противостояния будет не меньше, чем не присоединившихся в эпоху холодной войны.

Россия уступает США и Китаю по своему экономическому и демографическому потенциалу. Но она самый могущественный «третий», желающий избежать непосредственного вовлечения в схватку единственной сверхдержавы с основным претендентом на эту роль. Китай и США будут заставлять и уже заставляют своих партнеров выбрать сторону в этом противостоянии. Требования Вашингтона к союзникам отказаться от китайских технологий 5G – лишь один из таких эпизодов. Но множество стран хотели бы избежать как самого выбора, так и связанного с ним риска технологической зависимости от США или Китая. И здесь открываются возможности для России как для страны со значительным технологическим потенциалом. Россия может оказать своим партнерам существенную помощь – современными вооружениями, атомными и другими технологиями. Российское программное обеспечение, используемое для электронного государственного управления, находится на уровне лучших мировых образцов, и с ним в комплекте не поставляется «цифровой колониализм» глобальных лидеров.

В наступившем году география распространения российских вакцин укажет на Россию как на лидера возвышающихся держав. Несколько десятков стран осенью уже заказали российскую вакцину. Если в новом году состоятся поставки, это будет не только свидетельством успеха российских технологий, но и символом нового качества российской внешней политики.

В работе над докладом приняли участие Михаил Мамонов, Сергей Маркедонов, Алексей Токарев, Андрей Баклицкий, Адлан Маргоев, Екатерина Арапова, Игорь Денисов, Александр Чечевишников.

Источник: **Прогноз «Международные угрозы 2021»**



ОБ АВТОРАХ



Андрей Сушенцов

Директор

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Института международных исследований МГИМО МИД России и Консалтингового агентства МГИМО «Евразийские стратегии». Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.





Андрей Безруков

Советник

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, прогнозирование

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, эксперт по внешней и оборонной политике. Специализируется на правительственных и корпоративных системах стратегического прогнозирования и планирования. Эксперт по управлению изменениями в корпорациях и выстраиванию процессов взаимодействия с крупными клиентами.

Профессиональный опыт: Доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. С 2010 года – советник президента ПАО «НК «Роснефть». Эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Президиума Совета по внешней и оборонной политике. Полковник разведки в отставке.





Андрей Байков

Управляющий партнер

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Европейский союз и Восточная Азия

Область экспертизы: Эксперт по интеграционным процессам в мировой политике. Специализируется на международных отношениях в Европейском союзе и Восточной Азии, а также международно-политических аспектах развития постсоветского пространства. Основные публикации посвящены современным глобальным трендам – монографии «Сравнительная интеграция», «Мегатренды», «Современные международные отношения».

Профессиональный опыт: Проректор по магистерским и международным программам МГИМО МИД России. Главный редактор журнала «Международные процессы». Директор Научно-образовательного форума по международным отношениям (НОФМО). Член Координационного совета по делам молодежи в сфере науки и образования при Президенте России. Входит в Правление Совета по профессиональному и высшему образованию Российской ассоциации политической науки. Состоит в Ассоциации международных исследований (США).





Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениях со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России. В прошлом редактор отдела политики журналов «Профиль» и «Эксперт». Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».





Иван Лошкарев

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Украина

Область экспертизы: Эксперт по странам Восточной Европы и Африканского Рога, современным диаспорам, а также внешней политике Украины и Беларуси. Специалист в области теории политики и политической географии. Специализируется на политических аспектах миграций, гражданских войнах и этнополитических конфликтах.

Профессиональный опыт: Преподаватель кафедр политической теории МГИМО МИД России. Соавтор коллективной монографии "Россия и мир в 2020 году".





Артем Соколов

Эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Германия, Европейский союз

Область экспертизы: Специалист по внешней и внутренней политике Германии, российско-германским отношениям.

Профессиональный опыт: С 2017 г. – старший преподаватель Кафедры исторических наук МГЛУ, с 2018 г. – научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Автор еженедельного дайджеста внешней политики ФРГ.

